

«Вспомяная Леви-Строса» *Беседа с А.Б. Островским*

Островский Александр Борисович – доктор исторических наук, научный сотрудник высшей квалификации Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), автор ряда работ по истории французского этнологического структурализма, концепции мифологического мышления у К. Леви-Строса, а также по различным этнологическим тематикам, переводчик ряда работ Леви-Строса на русский язык.

Беседа состоялась 18 ноября 2009 г. в Российском этнографическом музее.

Уважаемый Александр Борисович, мне очень давно хотелось с Вами побеседовать, но ближайшим поводом к интервью послужила кончина великого французского этнолога Клода Леви-Строса. Вы – крупнейший специалист по теории Леви-Строса, и думаю, не только в России. Прежде всего, хочу попросить Вас рассказать о том, каким человеком был основатель структурализма. Если можно, я буду держать диктофон поближе.

Когда я брал интервью у Филиппа Дескола (это нынешний преемник Леви-Строса), я тоже придвигался к нему, а он только усмехался, но не протестовал. Я тоже не буду.

Первая моя встреча с Леви-Стросом состоялась в 1996 году, последняя – в 2005-м. В общей сложности мы встречались четыре раза. Эти встречи не были ни случайными, ни обусловленными какими-то внешними причинами. Они объяснялись исключительно моим исследовательским интересом. Уже до первой нашей встречи по инициативе академика Валерия Павловича Алексеева я перевёл работы Леви-Строса «Тотемизм сегодня» и «Неприручённая мысль», а также некоторые статьи. Кроме того, я защитил первую и, к сожалению, единственную этнологическую диссертацию по Леви-Стросу. В 1996 г. я находился на музейной стажировке в рамках договора нашего музея с одним французским выставочным центром: в благодарность за помощь в организации выставки из императорской коллекции французы предложили нескольким нашим сотрудникам провести по месяцу на северо-западе Франции, в провинции Финистер. Последние шесть дней я должен был провести в Париже.

Я не знал, удастся ли мне встретиться с Леви-Стросом, я робел и даже не знал его телефона. Случайно я познакомился с американским архитектором, который ни слова не знал по-французски, но полагал, что знания английского языка достаточно для общения в любой точке мира. Впрочем, на севере Франции его не понимали. Познакомились мы в библиотеке Бреста, где я читал второй том «Мифологик». Он обратил на это внимание и сказал, что это очень интересно и перспективно. Он настойчиво расспрашивал меня о том, зачем я приехал во Францию. Объяснения о том, что я приехал на стажировку, его не устроили, и он, словно какой-нибудь психотерапевт, заявил: «Ты приехал, чтобы встретиться с Леви-Стросом». В конце концов, он убедил меня в том, что это действительно так. На следующий день профессор Брестского университета по

моей просьбе позвонил секретарю Леви-Строса мадам Кемпински, и та ответила: да, профессор Островский может встретиться с Леви-Стросом в такой-то день и такой-то час. Нашей встрече способствовала ещё одна случайность: там же, на севере Франции, я познакомился с московской журналисткой, постоянно жившей в Париже. Она согласилась сопровождать меня. Она должна была помочь мне, ибо мой французский в то время был не столь совершенен, как сейчас, а кроме того, она рассчитывала в будущем на интервью с Леви-Стросом, к сожалению, так и не состоявшимся.

Леви-Строс немного опоздал на встречу. Появившись, он стремительно прошёл мимо нас, и чернокожий сотрудник, завороченно глядя на него, сказал: «C'est lui». Леви-Стросу тогда было 88 лет. Он легко прошёл через большой зал Лаборатории социальной антропологии и поднялся по довольно крутой лестнице в свой кабинет. Вскоре нам сказали, что мы можем войти.

Где расположена эта Лаборатория? Кажется, я где-то читал, что в Коллеж де Франс?

Да, она относится к Коллеж де Франс, но расположена не в главном здании.

Я приготовил шесть вопросов. Леви-Строс обошёл стол и сел в кресло напротив нас, легко закинув правую ногу на бедро, и всё время глядел на мою спутницу. Кажется, он был не очень доволен тем, что я в своих вопросах излагаю какие-то его идеи. У нас это принято: на вопрос наводится академический глянец. Но ему, должно быть, не понравилось, что я накладываю все тома его произведений на его нынешнюю личность. Отвечал он кратко. На какой-то вопрос он отвечал: «А разве я так писал?», на другой – «Зачем вы задаёте мне вопросы философского характера? Лучше бы вы, господин Островский, шли в свой *cabinet de travail* и там сами ответили на эти вопросы более успешно». Когда он узнал, что я в рамках работы в Русском отделе вместе с другими пишу небольшую книгу по русским обрядам в ситуациях бедствия и интересуюсь аналогичными французскими обрядами (во Франции я как раз собирал литературу по этой теме), он сказал, что это куда интереснее, чем изучать его работы. Вместе с тем, его отношение ко мне в целом было открытым и уважительным. Ведь я начал с того, что я переводчик его работ, а не с того, что я автор первой диссертации по его творчеству. Мы говорили о переводе «Первобытного мышления» – это, конечно, не совсем точный перевод...

La pensée sauvage?

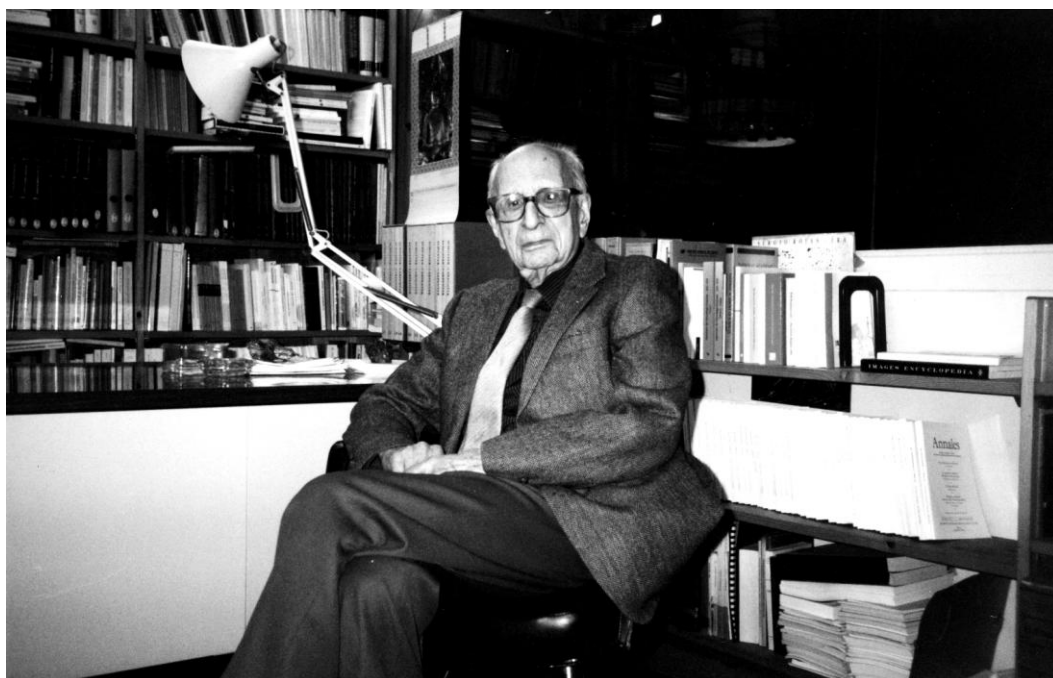
Да, это дань нашей историко-этнологической традиции – переводить «sauvage» как «первобытный». Кроме того, «первобытный» – это одна из тематик, которые признавались в советское время приоритетными. Всё это создаёт отличие нашей понятийной сетки. Книга вышла у нас в 1994 г. тиражом 15 000 экземпляров – по тем временам тираж небольшой.

Сейчас это громадный тираж.

Тогда большим тиражом считалось 50 000 экземпляров. «Классическая йога» (перевод Е.П. Островской и В.П. Рудого) вышла тиражом 100 000.

Леви-Строс сказал: «grand tirage», «grand pays». Конечно, «grand» – это «большая», но в то же время и «великая», и как житель этой страны я был весьма польщён. Это слово прозвучало ещё раз, когда я спросил, с кем из российских специалистов он

знаком. Он сказал, что знаком только с двоими – Елеазаром Моисеевичем Мелетинским и Юрием Михайловичем Лотманом. Когда он узнал, что Лотман незадолго до того скончался, он сказал: «Grand esprit» и ненадолго замолчал. Хотя я и не сторонник того огромного резонанса, который придаётся семиотическим идеям Лотмана, после слов Леви-Строса я стал относиться к его творческому наследию с бóльшим уважением.

Философский аспект своего творчества Леви-Строс комментировать не желал. Хотя и не возражал против того, чтобы этим занимались другие. В каждом втором интервью он подчёркивал, что он не философ. Когда я пытался соотнести его работы с трудами психологов, он также держался уклончиво. У меня даже возник некий депрессивный фон оттого, что не получилось ожидаемой встречи с мэтром, ради трудов которого я выучил французский язык. Леви-Строс не был умудрённым мужем, готовым изучать науковедческий статус своих работ. И тем не менее, контакт был установлен.

Позднее, в 2001-м году, мы снова встретились. Я приехал во Францию собирать материалы для справочника «Французский структурализм в этнологии». Леви-Строс держался очень благожелательно. Он поручил африканисту и историку социальной антропологии Мишелю Изару кураторство надо мной. На следующие встречи я также приходил с подготовленными вопросами, но они имели более конкретный характер. Я больше не навязывал ему свою концепцию его работ. У нас была короткая встреча в 2004-м, когда он поправлялся после болезни. А в последний раз мы встретились в 2005-м.

Эти беседы нигде не опубликованы?

Нет. Наша беседа 2001 г. записана на магнитофон, но я не расшифровывал записи. Хотя определённый интерес для истории науки они представляют. Я мог бы привести некоторые его ответы. Некоторые из тех вопросов, которые я задавал Леви-Стросу, ему уже задавали в других интервью, но тогда я об этом не знал.

Мне представлялось, что творчество Леви-Строса можно разделить на два периода: первый – с конца 1930-х до конца 1950-х гг., когда он преимущественно занимался структурами родства и социальной организацией бесписьменных обществ. Его метод тогда только вызревал. А в сборнике статей разных лет, опубликованном в 1958 г., он обращается к разным тематикам, одна из которых – структура мифов. С начала 1960-х гг. его главная тема – структурная организация мифов и мифологическое мышление. Когда я всё это высказал, он в целом согласился со мной, но заметил, что и во второй период своего творчества эпизодически интересовался прежней проблематикой.

Ещё один, на мой взгляд, ключевой вопрос, в котором мы с Леви-Стросом разошлись, – это вопрос о том, в какие годы можно считать его подход и метод вполне сложившимися. Хочу прокомментировать выражения «подход» и «метод». «Метод» по-французски так и звучит «méthode», а «подход» – «approche». Французские ученики и последователи Леви-Строса избегают слово «méthode». За исключением ныне покойного Жана Пуйона, в прошлом главного секретаря журнала «L'Homme», применявшего в своих работах метод Леви-Строса. Сам Леви-Строс никогда не писал методических пособий или рекомендаций. Всякий раз, когда ему нужно было что-то сказать о методе, он ссылался на свою раннюю работу «Структура мифов» (1955). Когда же кто-то, в данном случае я, пытался из его идей разных лет сконструировать единое здание, это вызывало у него возражения. Некоторые исследователи во Франции пытались сделать нечто подобное, правда, в другом направлении. И в 2001-м, и в 2005-м гг. Леви-Строс неизменно отвечал: метод я получил из рук Романа Якобсона, когда я был в США и общался с ним. О том, почему он оказался в США, знают все. Кроме того, он вспоминал: у вас был крупный исследователь Трубецкой, и его работы также повлияли на меня.

Надо сказать, что недоброжелатели Леви-Строса, которые были и есть, и не только во Франции (обычно это не самые значимые исследователи, среди крупных исследователей я не встречал тех, кто отвергал бы ценность трудов этого автора), также считают, что Леви-Строс не создал никакого метода, а просто взял идеи русских структурных лингвистов и использовал их. Но что значит использовал? Ведь материя совершенно другая. Как мне кажется, Леви-Строс совершил переход от языка к мышлению как исследовательскому объекту. А совершив такой переход, он не мог не произвести изменений в подходе к изучаемому: раз предмет другой, невозможно полностью сохранить прежний метод. Предмет и метод, по Гегелю, связаны. Мышление всегда многослойно и погружено в культуру, а язык более дискретен. Словом, как психолог по университетскому образованию, я понимал, что Леви-Строс здесь неправ. Но ему хотелось (и я понимал, почему) так заявлять: меньше ответственности за свой метод. Меньше ответственности перед упреками в том, что эклектически соединил несоединимое: с одной стороны, кантианство в области проблематики бессубъектного мышления (мифы как бы сами движутся, трансформируются один в другой). С другой стороны – этнографический контекст, который он всякий раз кропотливо

воссоздавал в связи с теми или иными версиями мифов. Это, действительно, несколько эклектично, и невозможно понять, какой же предмет здесь главный – этнографическое описание или ходы мышления. А если он говорит, что просто заимствует свой метод, тогда его и философом не назовут, и обвинения в эклектизме оказываются не столь значимы.

Я спрашивал его, верит ли он в существование универсальных законов мышления, и он отвечал несколько уклончиво.

Быть может, это самое слабое место структурализма.

Да, это его ахиллесова пята. Некоторые французские этнологи, последователи Леви-Строса – американисты вроде Филиппа Дескола или Эммануэля Дево (о нем еще недавно говорили: «более последовательный структуралист, чем сам Леви-Строс») – выходят из положения таким образом: в своих работах они говорят, что открытое Леви-Стросом наиболее справедливо для американских континентов, а для других – может быть, и нет. С ними трудно согласиться.

И в 2001-м, и в 2005-м годах я задавал вопрос: кто из ваших коллег по Лаборатории социальной антропологии наиболее близок к вашему подходу и методу? Кто наиболее плодотворно применил его? Всякий раз воцарялась пауза. Действительно, непонятно, почему я не слышу ни одного имени. Через какое-то время прозвучало имя Франсуазы Эритье. Это очень крупная исследовательница, африканист, внесшая вклад в теории систем родства и символизм тела, профессор Коллеж де Франс. Ее работы, к сожалению, почти не переведены на английский; на русском нет ни одной книги, ни одной статьи. Это первая преемница Леви-Строса, которая в 1982 г. возглавила Лабораторию. Хотя ее структурализм специфичен: она не применяла трансформационный подход. Однако понятие «трансформация» при виртуальном переходе от версии к версии – и носителя традиции, и исследователя, занимающегося реконструкцией ментального процесса, – имеет огромное значение. В первом обширном интервью о своей творческой биографии, данном к 80-летию, Леви-Строс подчеркнул: единственное, чем он не обязан в формировании своего метода структурной лингвистике, – это трансформационный подход. Это то, чего не было у Якобсона и Трубецкого. Так вот, у Эритье нет трансформационного подхода. Она использует структуральный подход, но не использует леви-стросовский метод в техническом значении.

Кроме того, в 2001-м году Леви-Строс назвал Жоржа Дюмезиля. Но объект изучения у Дюмезиля совсем другой – индоевропейские мифологии.

Но можно ли его считать учеником Леви-Строса?

Нет, конечно; Леви-Строс не считал его своим учеником. Он говорил, что Дюмезиль наиболее близок ему.

Если взглянуть на хронологию, ещё кто кому ученик...

Вы совершенно правы: работы Дюмезиля появились немного раньше. Но это тоже структуралист, и он близок к Леви-Стросу. Впрочем, мне представляется, что это совершенно другой структурализм. И объект у них разный, и подход.

Мне кажется, что Дюмезиль практиковал структурный подход, но не был структуралистом. Думаю, здесь надо проводить различие между «структурным» и «структуральным», которое Вы предлагаете в своей книге.

Да, я согласен с Вами. Конечно, с Леви-Стросом я не вступал по этому вопросу ни в какие дискуссии. Я выказывал своё удивление, но получал именно такие ответы: Дюмезиль ему ближе прочих, а из последователей он может назвать лишь Франсуазу Эритье.

Я спрашивал Леви-Строса о возможности интеграции структурального подхода и психоанализа. Ведь прецеденты были – Лакан и другие авторы. Он ответил однозначно, что такие попытки были, но он считает это бесперспективным. Ответ неожиданный и однозначный. Я спрашивал и о том, насколько важен оказался для него Фрейд как источник идей. Он отвечал, что интерес для него представляла только идея Фрейда о том, что интеллектуальные результаты зависят от некоего бессознательного компонента. К 2005-му году в моём переводе уже были опубликованы другие работы Леви-Строса – «Путь масок и «Ревнивая горшечница». Описывая бестиарий американского континента в «Ревнивой горшечнице», он выводил оральный и анальный типы у зооморфных персонажей. Он сказал, что, кроме вышеуказанной идеи, нашёл у Фрейда психосексуальную типологию, что всё это уже было и в бесписьменных культурных традициях.

От вопросов о цивилизациях и цивилизационных контактах он уклонялся, говоря, что «цивилизация» – политическое понятие, и на эту тему он говорить не будет. Леви-Строс был знаком с опубликованными в 1930-е гг. (на английском языке – спустя 20 лет) работами Л.С. Выготского, но говорил, что ни работы Выготского, ни работы Пиаже не оказали на него никакого влияния. Он считал, что его собственные труды сами создают фундамент для психологического исследования.

Пиаже вообще служит объектом для издевательств во французской интеллектуальной традиции.

Да, может быть, именно поэтому...

Ещё один любопытный момент: в 2005-м году я спросил его, как он расценивает интервью, которое взял у него Борис Висман, который в 2002-м г. в Англии устроил конференцию по методу Леви-Строса. Через несколько лет в журнале «Les Temps modernes» Борис Висман опубликовал большую часть материалов конференции и свое интервью. Примерно половина вопросов была посвящена той роли, какую сыграло еврейское происхождение Леви-Строса, тому, поддерживал ли он контакты с еврейской общественностью во Франции и т.п. Леви-Строс на это отвечал, но, похоже, с раздражением. В своём интервью к 80-летию он говорил, что он происходит от этого маленького древнего народа, гордится своей принадлежностью к нему, но в своём сознании он затрудняется воспроизвести все промежуточные компоненты по семейным преданиям, относящимся к началу XIX века. Кроме того, он никогда не изучал библейский материал. Когда я спросил его об отношении к этой беседе, Леви-Строс сказал, что это интервью ему не нравится, а особенно не нравится то, что в последнюю версию этого текста были внесены не согласованные с ним поправки.

Мне также представлялся важным вопрос о том, почему он никогда не применял свой метод к библейским текстам. Он ответил, что считает продуктивным обращение к древним письменным текстам, что, с его точки зрения, структуралистами были и Плутарх, и Гесиод, и древнеиндийские мыслители. Но относительно ветхозаветных текстов он твёрдо ответил: нам неизвестен этнографический контекст, а без него структуральное исследование невозможно. Я стал говорить о числовом коде, о

повторяющихся эпизодах в снах Иосифа (я к тому времени уже опубликовал статью на эту тему), и он сказал, что это, конечно, интересно, что этим занимается Эдмунд Лич, но делает он это поверхностно. Я не стал углублять эту тематику, чтобы не услышать нечто подобное в свой адрес. И тем не менее, Леви-Строс согласился с тем, что в древнееврейских текстах возможно структуральным методом изучать именно числа. Когда я спросил его о том, почему он коснулся числового кода в некоторых своих работах, но не стал развивать эту тематику, он ответил, что хотел лишь привлечь внимание к значимости этой проблематики. Когда я заметил, что по числовому коду в одном из томов «Мифологик» он написал десять страниц, он поправил меня: одиннадцать.

Поскольку я по образованию социальный психолог, я спрашивал Леви-Строса о том, продолжил ли он изучение так называемого «атома родства». Это понятие, введённое Леви-Стросом, встречается в статьях, вошедших в «Структурную антропологию». Как вы помните, речь идёт о значимости материнского дяди и его отношениях с племянником, а также об отношениях сына с отцом, между супругами и детьми. Леви-Строс отвечал, что к этому он также хотел привлечь внимание, но сам исследований в этой области не продолжил. Когда я спрашивал о работах его последователей (например, Серж Черкезофф), он отвечал: «Да, это интересно», но больше ничего не добавлял. Проблематика идентичности, по его словам, его никогда не интересовала, хотя он и руководил посвящённым ей семинаром.

Меня очень интересовала тогда проблематика телесных отверстий – в контексте символизма тела и антропологических числовых констант. Он был осведомлён о том, что этой проблематикой никто специально не занимался. Эрихье обращалась к символизму тела, но её больше занимало движение телесных жидкостей.

Когда стало известно о кончине Леви-Строса, многие мои знакомые восклицали одно и то же: «Как? Неужели он до сих пор был жив?!». Последние лет тридцать, а то и сорок, никто уже не помнил о том, что он живёт на свете. Чем он занимался до середины 1960-х гг., знают все. А что он делал в последние десятилетия?

Действительно, популярность этнологического структурализма, т.е. структурализма в том варианте, который создал Леви-Строс, стала резко убавляться после мая 1968 г., когда сам Леви-Строс не занял никакой политической позиции. Кроме того (он говорил об этом в своём интервью к 80-летию), он более недели отсутствовал на работе, и это было заметно. Впрочем, он не противодействовал никаким акциям своих коллег...

И тем не менее, все знали, что «структуры не выходят на улицы».

Да, это так. Для снижения значимости структурального подхода была общественная предпосылка. А кроме того, во Франции какой-либо подход может доминировать в гуманитарных науках не так уж долго. Франция – страна быстро насыщающаяся. Там очень много специалистов в частных дисциплинах или даже субдисциплинах. Они, конечно, с трудом находят работу, но это не означает, что число таких специалистов будет сходиться на нет.

Итак, я думаю, что насыщение структуральным подходом и методом к тому времени уже наступило, и влияние на исследователей, формировавшихся с середины 1970-х гг., уже не было значительным. Мишель Изар считает, что в журнале «L'Homme» с этого времени перестало преобладать структуральное направление. Это уже не структуралистский журнал, хотя время от времени статьи данного направления там появляются. Это не создало для Леви-Строса каких-то сложностей в общении с коллегами по Лаборатории социальной антропологии, которой он руководил до 1982 г. Ни до, ни после никакого диктата с его стороны не было, понятия «мэтр» не существовало. Понятие «школа» применительно к Леви-Стросу тоже отрицается на чисто; есть просто группа людей, которым нравится этот подход. Демократический подход, чёткость в отношении того, что его самого интересовало, и при этом нежелание видеть достижения других в области исследования мифологии и мифологического мышления прекрасно сочетались.

Позднее проявились ростки когнитивной психологии. Французский когнитивный психолог Дан Спербер в сборнике статей, вышедшем в 1982 г., написал, что Леви-Строс тормозит развитие социальной антропологии. Позднее Леви-Строс не реже двух раз в неделю приходил на работу на полтора-два часа для консультаций. Мадам Кемпински по-прежнему работала у него секретарём на полставки. Но, насколько я мог наблюдать начиная с 1996 г., к нему в основном приходили аспиранты и стажёры-иностранцы. Приходило много людей из азиатских стран, но очередь к нему не выстраивалась. В 2005 г. он приходил на работу уже только раз в неделю либо по договорённости. В 2007-м я пришёл в его приёмный день, но именно в этот раз он не

появился. Таким образом, он не порывал связей с коллегами, но это не было общением по какому-то определённом плану. Лаборатория по-прежнему работала и регулярно публиковала отчёты, но Леви-Строс оставался в стороне. Его книги по-прежнему выходили. Самые крупные и теоретически значимые его произведения – «Ревнивая горшечница» (1985) и «История рыси» (1991), в последнем ещё раз предлагалось оригинальное рассмотрение южноамериканских мифов. Позднее выходили сборники его речей и статей. Но это были уже тексты публицистического или журналистского характера, касавшиеся литературы, живописи или скульптуры. По-своему это любопытно. И в 2004, и в 2005 гг. в различных изданиях выходили его статьи, в газетах печатались интервью. Таким образом, он продолжал активную интеллектуальную деятельность. Никаких научно-популярных произведений он не писал, хотя можно было бы найти тематику, интересную широкой публике. Например, я вспоминаю его небольшую работу о Деде Морозе, на французском материале. Но всякий раз это было научное исследование, хотя и без занудства и структуралистской сухости.

Я бы хотел вернуться к философским аспектам творчества Леви-Строса, невзирая на его стремление ускользнуть от философских тем. По образованию он философ, и многие исследователи усматривают в его работах достаточно мощные кантианские основания, перекличку с экзистенциалистско-феноменологическим движением и т.п. Структурализм постоянно подвергается нападкам за попытку онтологизировать структуру, или, как Вы говорите в своей замечательной книге, за попытку не только говорить о структурном подходе к изучаемому объекту, но и навязывать существование некой Структуры самому этому объекту. Может быть, Леви-Строс чувствовал, что здесь у него действительно слабина?

Леви-Строс не создал ни методического пособия, ни ключа для прочтения своих работ. Более того, понятие «структура» у него нигде однозначно не определено. Разве что в «Leçon inaugural», когда он вступал в заведование кафедрой социальной антропологии, он дал описательное определение структуры. Впрочем, инструментально-описательное, а не сущностное определение можно обнаружить и в «Тотемизме сегодня», где он составляет таблицу, каждая вертикаль которой представляет семиотически значимый признак. Можно заключить, что таким образом Леви-Строс высвечивает базовые структуры мышления, но даже такой формулировки у него нет. Ещё один яркий пример – так называемая «формула мифа», которая появилась в работе Леви-Строса 1955 г. «Структура мифа», вошедшей в 1958 г. в «Структурную антропологию». Эту «формулу» он так и не расшифровал этнологически или в отношении мышления, но пояснил через примеры, причем только в работе 1985 г. «Ревнивая горшечница». Когда же стих всеобщий интерес к структуральному подходу и методу, его сторонники, желавшие, чтобы леви-стросовские труды не просто вошли в списки изучаемых работ и не просто продавались, обратили внимание как раз на эту «формулу мифа». Появилось много больших и малых работ, в которых говорилось о том, что именно здесь сказалась гениальная интуиция Леви-Строса, и что это и есть то, благодаря чему структурализм возымеет будущее. Я с этим не согласен. Формула очень интересная, но как её интерпретировать, непонятно. Её пытались интерпретировать американские филологи и фольклористы, французские этнологи по-разному применяли её к своему материалу, приводили дополнительные примеры, что, конечно, тоже интересно, но хотелось бы интерпретации, приближенной к логике и семиотике

мышления, а не только через примеры и восклицания о «гениальной интуиции». Я согласен: интуиция гениальная. Почему бы нам, собственно, пожалеть такой оценки? Ведь «гениальная» значит «подлинная». Это пример того, как Леви-Строс, не расшифровывая и не разъясняя сам, насколько близка его проблематика к философской, не дал и другим исследователям простой возможности в один-два шага создать методический ключ к своим работам.

Что же касается Вашего вопроса – да, действительно, Леви-Строс получил в Сорбонне философское и, можно сказать, социологическое образование. Но с середины 1930-х гг. он не преподавал философию, а социологию – только по приглашению вновь образованного университета в Сан-Паулу. Он сразу увлёкся не столько, как сказали бы у нас, традиционной культурой, сколько этнографическим полем, тем, что можно увидеть логическое единство в рамках материала бесписьменной культурной традиции. Словом, с самого начала это не было приложением каких-то философских идей к этнологическому материалу. Его философские интересы были связаны прежде всего с историческим материализмом Маркса и Энгельса, которых он позднее не раз упоминает. Здесь же интерес был совершенно иной, и впечатления, полученные им во время двух экспедиций (вторая из которых длилась больше года), нацелили его на открытие символической функции. Конечно, я говорю о ментальном открытии, но подтолкнуло его к этому пребывание среди индейцев Бразилии. Он собрал огромную коллекцию – более полутора тысяч экспонатов. И, хотя позднее, в интервью к своему 80-летию, он говорил, что в экспедициях понял, что полевая работа – это «женская работа, требующая кропотливости», свойственной женщинам больше, чем мужчинам, а самого себя он осознаёт в большей степени как кабинетного исследователя, через свою жизнь он пронёс идею, в определенном отношении декларативную, что на первом месте должна стоять интуиция туземца, а не исследовательская интерпретация.

Комментируя эту идею, можно сказать, что то, как воспринимает туземец, мы всё-таки реконструируем. И реконструируем не только при помощи своей интуиции, но и через открытие символических связей. А открываем мы их с помощью нашего подхода и метода. Но Леви-Строс здесь снова сказал бы: идите в свой *cabinet de travail*, чтобы открыть свой собственный метод. Тем не менее, понятие «символическая функция» появляется уже в его работе 1955 г. «Печальные тропики», независимо от формулирования его метода изучения мифов.

Если же попытаться прямо ответить на вопрос: да, он ощущал себя не гегельянцем, а кантианцем. Но я думаю, что это передержка. Конечно, Кант ему симпатичен, и априорные формы созерцания он открывает на этнологическом материале как присущие мышлению. Он всё это признаёт, но никогда не развивает, используя философские понятия. Он готов признать себя кантианцем, но фактически нельзя сказать, что он развивал идеи Канта или прикладывал их к конкретному материалу. Просто это наиболее близкое ему философское направление. Вместе с тем, ему достаточно близок и Бергсон. Хотя Бергсон скорее психологичен, а Леви-Строс антипсихологичен. Экзистенциализм никогда не был ему близок. Более того, он полемизировал с Сартром.

Итак, Леви-Строс никогда не применял философские понятия в качестве инструментальных для исследования того или иного феномена или факта культуры. Поэтому его нельзя считать ни профессиональным философом, ни человеком, применяющим в своей работе философские понятия. Если они у него и встречаются, то на-

равне с лингвистическими или этнологическими. На первый взгляд, это эклектика. Но фактически это нежелание создавать единую методическую рамку. Ведь все эти понятия сочетаются не дискретно, но внутренне связно. На мой взгляд, Леви-Строс ни в коем случае не эклектик, он осуществляет творческий синтез, используя существующие понятия и минимально вводя собственные. Быть может, их стоило бы вводить больше. Быть может, здесь делала своё дело бритва Оккама, но мне кажется, что он просто не хотел, чтобы его сочли философом.

И тем не менее, существует вульгарное представление о структурализме, сводящееся к тому, что Леви-Строс со своей пантекстуалистской установкой свёл всю реальность к тексту, что текст имеет постоянную структуру, которая есть структура грамматическая, которая выявляется благодаря структурному подходу, и таким образом, вся реальность сводится к структуре. На мой взгляд, Леви-Строс несёт какую-то ответственность за такое понимание. Если помните, именно в этом его упрекал Умберто Эко в своей «Отсутствующей структуре», за это его ругал Жак Деррида. То есть, произошла онтологизация структуры, которая первоначально для Леви-Строса была некой рабочей гипотезой – в частности, при исследовании роли дяди по материнской линии, когда он предположил, что существует определённая гомология между структурами родства и структурами языка. В конце концов реальность языка и реальность культуры совпали.

Я по образованию психолог, и уже в студенческие годы я видел, что один из главных предметов как для Фрейда, так и для Выготского – это мышление, и никто из них не сомневался, что мышление онтологично. Я удивляюсь, почему ни у кого из наших современников нет работ по онтологии мышления в культуре. Речь не о том, что мышление нужно отделить от мозга как своего носителя, от биохимических и нервно-психических процессов. Дело вовсе не в каком-то гносеологическом парадоксе. Я говорю о том, что мышление онтологично. Если онтологична культура, то и те операции, которые в ней совершаются её носителями – переходы от одного плана к другому, от жанра к жанру, от музыки к литературе, от конструкции орудий труда к конструкции костюма – тоже онтологичны. А ведь такие переходы возможны в рамках одной культуры, а если это культура бесписьменная, то совершаются они именно в сознании. Но почему же нет философских работ на эту тему? Почему порют какую-то ерунду, подменяя всё это какой-то «структурой» в роли демиурга? У меня это всегда вызывало возмущение. Но, не будучи философом по образованию, я никогда не претендовал на написание такой работы. Надеюсь, её когда-нибудь напишут.

Я не хочу комментировать работу Умберто Эко. Я когда-то пытался познакомиться с его трудами, и мне показалось, что там присутствует шизофренический компонент. Его работы следовало бы прочесть именно под этим углом зрения. Это нормально. Русский психиатр Владимир Чиж когда-то прочитал сочинения Достоевского под углом зрения психической болезни, которой страдал Фёдор Михайлович. В общем, давно пора читать работы Эко, рассматривая их с учётом шизофрении. И то, что он говорил о Леви-Стросе, я разбирать не хочу.

Отличная идея! Я прежде никогда не слышал о патографии Эко.

Давно пора, и это будет куда интереснее, чем вникать в его идеи и зачем-то считать их продуктивными.

Но вернёмся к вопросу об онтологии. Леви-Строс никогда не маскировал понятие «pensée mythique», особенно в «Мифологиках». И тем не менее, он так и не удосужился объяснить, дать этнологическую или какую-либо над-дисциплинарную интерпретацию. Только в работе 1985 г. «Ревнивая горшечница» он прямо сказал о том, что аналогия – это базовая черта бесписьменной культурной традиции. Итак, с одной стороны, сам Леви-Строс так и не создал никакого методологического компендиума, а с другой – все специалисты в области гуманитарии недооценивают тот факт, что мышление в рамках той или иной дисциплины может быть предметом самостоятельного изучения. Оно как раз и должно стать предметом самостоятельного рассмотрения в рамках культурологии. Если мы считаем термин «мышление» лишь элементом под-языка, служащего для связки отдельных слов, или признаем как метапонятие конкретной научной дисциплины, мы никогда не поймём значимость работ Леви-Строса в плане онтологии культуры, онтологии мышления.

«Структуру» Леви-Строс тоже никогда однозначно не определил. Мне представляется наиболее удачной интерпретация Пуйона, которая, правда, подходит не для «Структурной антропологии», а для работ 1960-х гг. – «Pensée sauvage», «Mythologies»: структура – это формула связи вариантов (каждый из которых презентует целостность), то, что отвечает за возможность трансформаций от одного пучка признаков к другому. Ведь, если мы являемся представителями конкретной культурной традиции, в нашем сознании постоянно происходят трансформации. А бесписьменный компонент всегда есть в любой, даже самой развитой современной культуре. Не всё в нас заложено в виде культурных трафаретов, мы совершаем творческие переходы, по-другому комбинируя значимые признаки. Какие-то переходы нам доступны, а какие-то открываем мы сами. Если существует культура, существует и онтология мышления. Если существует мышление в действии, существует и структура. Я развивал эту идею на протяжении всей своей творческой деятельности, но акцентирую только сейчас, в разговоре с Вами. Подобно Леви-Стросу, я тоже всегда скрывал, что допускаю онтологию мышления.

Сам Леви-Строс время от времени говорил, что мифы мыслятся в головах людей. В каком-то смысле так и есть: если мифы пересказываются и становятся понятны при изменении компонентов, значит, люди способны эти компоненты улавливать. В этом смысле можно метафорически сказать, что *мифы мыслятся*. Конечно, мыслят их люди, но какое-то движение содержания по определённым структуральным законам происходят. Я, в свою очередь, эту структуральную работу, запечатленную в леви-стросовских «Мифологиках», эксплицировал, сформулировав три базовые операции мифологического мышления. Впоследствии этих операций обнаружилось больше. Леви-Строс знал о моей работе, но по-русски он не читал. Я не уверен, что её содержание ему понравилось бы, но и возразить было бы нечего.

Меня в Вашей книге поразила одна мысль, которая никогда не приходила мне в голову: мысль о том, что можно говорить о подходе Леви-Строса с точки зрения психологии. Вы назвали свою книгу «Парадигма мифологического мышления». Да, это действительно парадигма в платоновском смысле. И вместе с тем, Вы говорите о возможности психологии интенциональности. Что при исследовании интенциональности мышления никуда не уйти от психологизма – это мы знаем со времён Гуссерля. Но разве, когда мы говорим о структуральном подходе, речь не идёт о логике

мышления? Как же возможна психология логических форм? Другими словами, как возможна психология парадигм?

В психологии возможно рассмотрение логики психических процессов, а мышление – один из них. Таким образом, у этого процесса есть своя логика. Если же мы идём от культуры и используем понятие «мышление», не стоит считать, будто мы психологизируем и отходим от этнологии. Мы просто допускаем, что мышление онтологично, какая бы дисциплина его ни изучала. Термин «интенциональность» я также использую так, как это делают психологи, подразумевая под этим направленность. Это свойство мышления, быть может, в большей степени, чем какого-либо другого психического процесса, потому что мышление всегда направлено на разрешение проблемы. Даже если проблема не сформулирована отчётливо, но в самой ситуации есть что-то, что заставляет субъекта двигаться в направлении другой ситуации – значит, есть проблема для мышления. А она, в свою очередь, рождает направление поиска. Ведь непременно происходит движение, какая-то трансформация. (Леви-Строс её либо реконструирует, либо вводит искусственно – в поисках «проблемы мифа» далеко не всегда поддающейся артикуляции; допустимо предположить, что такое ментальное направление было возможно для носителей традиции.) Это и есть интенциональность. И можно проследить, к каким семиотическим или логическим изменениям она приводит. Я затруднился бы сказать, что это психологизация. Скорее, это то, что является общим для всех наук, которые не боятся онтологизировать мышление. Для тех, кто изучает мышление не только как предмет, но и как реальный объект, с присущим ему бытием.

Давайте обратимся к несколько иным вопросам. Мне очень интересно узнать, с какими трудностями Вы сталкивались при переводе Леви-Строса. В чём особенности его языка?

Это очень важный вопрос. В 2004 г. у меня была возможность задать Леви-Стросу пару вопросов в связи с переводом. «Mythologique» прежде переводили как «мифологичные», даже Е.М. Мелетинский, благодаря усилиям которого Леви-Строс уже в 1973 г. стал известен нашей публике (я имею в виду перевод «Структуры мифов»). Это, конечно же, неверно. Я предположил, что речь идёт о поиске *логик*, во множественном числе, мифов и что здесь сказывается философское образование Леви-Строса. Я задал ему этот вопрос, и он отвечал: да, я изучал логику мифов. Позднее, в одном из его интервью, я нашёл подтверждение своей догадке.

С «Pensée sauvage» тоже были проблемы. Было неясно, как это перевести, потому что «дикий разум» или «дикая мысль» по-русски звучит дико, нелепо. «Примитивное» тоже не годилось, потому что здесь возникало бы ненужное цивилизационное отстояние или даже оттенок расизма. «Первобытное» – неправильно с точки зрения Леви-Строса, который всегда подчёркивал, что «холодные» общества тоже эволюционируют, так что они не «первые» и не «первобытные». Английский перевод «Savage Mind» также осуждался; кстати, автор этого перевода на английский язык до сих пор неизвестен публике. Я нашёл формулу «Неприручённая мысль». Мне удавалось переводить Леви-Строса, потому что я очень внимательно вникал в содержание его работ, и потому, что лексика моего русского языка достаточно обширна. Я спрашивал Леви-Строса и об этом названии, о том, верно ли, что речь идёт о той мысли, которая ещё не одомашнена, non-domestiqué. Он согласился с таким переводом.

Переводить Леви-Строса сложно, потому что многие его понятия вбирают в себя его синтетический взгляд. Это сложно и в виду эклектицизма (правда, лишь на первый взгляд) его терминологии, некоторой метафоричности при использовании чужих по происхождению понятий, а также контекстуальной терминологичности некоторых слов, взятых из обыденного языка. Нередко встречается игра слов, и там, где я увидел её (надеюсь, я не сгустил краски), я давал примечания. Я сочувствую тем филологам, которые перевели четыре тома «Мифологик» – там очень много ботанической и зоологической терминологии. Впрочем, в тех работах, что переведены мною, её тоже немало. Быть может, мои переводы не слишком гладкие. Кое-где я переводил несколько суше, чем можно было бы, но я не маскировал никакие терминологизмы.

Давайте вернёмся к тому, с чего мы начали – к структуралистскому методу. Бывает так, что гений со своей гениальной интуицией выдаёт то, чего другим не повторить. Скажем, Освальд Шпенглер не оставляет метода для изучения культур, и двигаться по его пути практически невозможно. То же самое можно сказать о Мишеле Фуко с его «генеалогией»: его гениальные прозрения годятся только для него самого. Не такова ли ситуация и с Леви-Стросом?

Сам Леви-Строс отвечал на этот вопрос следующим образом, даже когда его об этом не спрашивали. В 2002 г. в письме к участникам конференции в Дареме (Англия) он писал, что на сегодняшний день его подходом не пользуется никто, а отдельные его элементы рассыпаны по различным работам разных авторов. Когда в 2005 г. я спрашивал его, кто наиболее близок к нему в методологическом отношении, он либо называл Франсуазу Эритье, хотя всем понятно, что она к нему вовсе не близка в методологическом отношении и в отношении проблематики, либо отвечал, что его метод рассыпан по работам разных авторов. Я согласен с тем, что из тех исследователей, кто мне известен, трудно назвать кого-то, кто близок к Леви-Стросу и кто последовательно использует его метод. Вместе с тем, Филипп Дескола, Мишель Перен – в России эти имена известны только весьма узкому кругу специалистов, но на Западе их знают многие – в своих ранних работах применяли ряд методически проработанных Леви-Стросом понятий. Мишель Перен – специалист по шаманизму у южноамериканских индейцев. Филипп Дескола изучал классификации южноамериканских индейцев, но в своих поздних работах он совершенно отошёл от леви-стросовского подхода и стал его критиковать. Ещё один крупный исследователь, Эммануэль Дево, в своей ранней работе «Мифология медведя» также пользовался леви-стросовским подходом, непосредственно применяя его на материале североамериканских индейцев. Но самое прямое использование можно найти у Люсьена Себага в работе 1971 г.

В общем, можно пользоваться терминологией Леви-Строса, которая методически вполне прозрачна. Это нельзя назвать «диким структурализмом» в том смысле, в каком Фрейд когда-то говорил о «диком психоанализе». Пользоваться можно, и все же непонятно, почему на сегодняшний день во Франции нет прямых продолжателей дела Леви-Строса. Причины можно назвать самые разные. Французы перекормлены подходами, методами и при этом ищут что-то новое. Кроме того, структуральный подход сегодня не является престижным. И наконец, метод довольно громоздкий в использовании, к тому же приходится долго вникать в его сетку, потому что никакого ключа Леви-Строс не оставил. Около двадцати учеников и последователей Леви-

Строса используют отдельные элементы его метода. Но это не их подход и метод, а крупный исследователь в этнологии с годами либо испытывает тягу к созданию собственного метода, либо отходит вообще от какого-либо метода, а просто описывает и интерпретирует, насколько позволяет его профессиональная эрудиция. Я наблюдаю это и у французов, и у наших исследователей. Во Франции я не знаю прямых последователей Леви-Строса, которые применяли бы его метод к своему эмпирическому материалу, но думаю, они есть в США и в Латинской Америке. В последнее десятилетие такие работы появлялись в журнале «L'Homme».

Что касается России, я хотел бы начать с себя. То, что я психолог по образованию, – это моя личностная предпосылка. Но, когда я познакомился с Леви-Стросом, я уже работал в Музее этнографии, применял его подход на конкретном эмпирическом материале – мифологии, амулетах, идолах, их композиции у народов Амура и Сахалина. Леви-Строс сделал это в работе «Путь масок». Кроме того, я применял структурально-семиотический подход на русском материале при изучении обрядов деревенской общины в ситуациях бедствия: оказалось, что он вполне работает. К библейским исследованиям он тоже приложим, хотя и в меньшей степени.

Одна из составляющих леви-стросовского метода – структуральная лингвистика в том варианте, что содержится в работах Якобсона и Трубецкого. Это всегда создавало для российских гуманитариев и предпосылку, и искушение пойти абсолютно своим путём, применяя структурно-лингвистические достижения к фактам культуры, которые изучает этнография. Зачем нам достижения Леви-Строса, если мы сами можем идти прямо от работ Якобсона и Трубецкого? Зачем нам этот синтез? Это ведёт к стремлению остаться эдакими квасными патриотами своего подхода. Яркий пример такого патриотизма – работы группы ныне покойного академика Никиты Ильича Толстого. Эта группа сложилась в Институте славяноведения и балканистики, а её направление называлось «структурная типология». Толстой свободно владел французским языком, но в своих работах ни разу не упоминал Леви-Строса. Мне представляется, что исследования с опорой на Трубецкого и Якобсона ему удались, но они были бы эффективнее, если бы он опирался и на достижения Леви-Строса. В какой-то мере эту работу продолжает Софья Михайловна Толстая, его супруга, которая теперь возглавляет этот сектор. Несколько лет назад вышел сборник работ этой группы, который называется «Пространство признаков». Возможно, под влиянием Леви-Строса, а может быть, под влиянием моих работ, эти люди рассматривают бинарные оппозиции (в фольклоре) в качестве цельных ментальных признаков. Впрочем, это может быть и самостоятельным шагом, сделанным только сейчас.

Понятие «структурный подход» и представление о возможности его применения к сказочному фольклору присутствует в нашей стране давно, начиная с работ Владимира Яковлевича Проппа. Его «Морфология сказки» вышла ещё в 1928 г. Среди наших фольклористов даже шла дискуссия о том, кому принадлежит приоритет в этой области – Леви-Стросу или Проппу. Леви-Строс признал приоритет Проппа. А Мелетинский в своей более поздней работе расставил все точки над *i*, показав, что существуют две модели структурального подхода к фольклорным текстам, причём, пропповский является приоритетным для сказочного фольклора, а в мифологии, где особенно важен этнографический контекст, приоритетным оказывается подход Леви-Строса. Сам Мелетинский в работе «Палеоазиатский миф о Вороне» пытался синтезировать оба подхода, но не очень успешно, синтетический метод так и не был соз-

дан. Его ученица Елена Сергеевна Новик, очень крупный московский специалист по шаманизму народов Сибири, также пыталась развивать это направление, но без внимания к достижениям Леви-Строса.

Можно назвать и ещё одну причину, по которой Леви-Строс не так активно входил в нашу общественную мысль и гуманитарную. Леви-Строс у нас никогда не был запрещён, его работы никогда не помещались в спецхран; и вместе с тем, он был буржуазным мыслителем. Его можно было цитировать, но только очень крупным фигурам. Например, директору Института этнологии Ю.В. Бромлею, хотя он никогда не занимался этой проблематикой. Леви-Строс всегда был притягателен, интересен и малодоступен, хотя переводы его книг на английский сразу же поступали в крупнейшие библиотеки Москвы и Петербурга. Ещё в советские времена у нас было написано немало диссертаций, посвящённых творческому наследию Леви-Строса. Но писали их философы, а этнологи и этнографы – нет. До сих пор моя диссертация, защищённая в 1986 г., остаётся исключением.

Как звучало название?

Название придумал мой научный руководитель Сергей Александрович Арутюнов. Как такового руководства у меня не было, он считал, что я и сам справлюсь. Однако я очень благодарен ему за то, что он согласился выступить моим научным руководителем, тогда как многие другие крупные специалисты отказывались, честно признаваясь, что они не владеют предметом. Арутюнов придумал длинное название: «Проблема первобытного мышления в работах представителей школы французского структурализма». Он не хотел, чтобы имя Леви-Строса звучало в названии. Работа пролежала больше года в ожидании «апрельской оттепели», хотя потом московские коллеги говорили, что она им сразу понравилась. Бромлей был человек хитроумный, он говорил тем, кто работу читал: «Расскажите, что в этой диссертации интересного? Чем Леви-Строс отличается от Леви-Брюля? Не можете рассказать? Значит, рано её защищать». То, что в названии значилась «школа французского структурализма», вызвало определённые затруднения, потому что ни я, ни Арутюнов тогда ещё не могли назвать ни одного ученика или последователя Леви-Строса. Но вскоре я нашёл Жана Пуйона, Франсуазу Эритье и Николь Бельмон. Эта последняя, кстати, тоже со временем отошла от подхода Леви-Строса и говорила мне, что ей как фольклористу гораздо ближе Владимир Пропп.

Когда в 1983 г. появилась на русском языке «Структурная антропология», это вызвало некоторое разочарование. У Вас разочарования не было?

Нет. Я даже наблюдал некую моду на Леви-Строса. Ещё в середине 1990-х гг. московские юноши гордо говорили, что изучают «Структурную антропологию».

Это мне бальзам на душу. А этнографы, насколько я знаю, в отличие от философов, были разочарованы. Ведь это был всего лишь сборник статей. У нас ведь тогда мало кто интересовался американской мифологией, в которой особенно силён Леви-Строс. Непонятным представлялось, к чему изучать Леви-Строса и в чём его ценность. Кроме того, перевод был сделан филологом и страдал некоторыми погрешностями – я писал об этом в рецензии. Но этого, по-видимому, не заметил Вячеслав Всеволодович Иванов, благодаря усилиям которого книга была опубликована. Последующие переводы работ Леви-Строса (1984, 1994, 2000 гг. и позднее) не прошли незамеченными, но

остались неосвоенными нашими этнологами. Когда я пытался узнать у отечественных этнографов, почему они не читают Леви-Строса, они отвечали: и некогда, и сложно. Метод требует вникания, он громоздок, а методического ключа нет.

Я никак не могу понять, почему философы обращают на Леви-Строса так мало внимания. Почему, например, у нас нет ни одной монографии по Леви-Стросу? Когда мы решили сделать в «Хоре» блок материалов памяти Леви-Строса, я даже не знал, к кому обратиться.

Могла бы написать Наталия Сергеевна Автономова. Она давно и регулярно ездит во Францию, и у неё ещё в конце 1970-х вышла монография о структурализме. Правда, мне эта работа представляется несколько поверхностной. Однако она хорошо знакома с тенденциями в структурализме.

Что ж, может быть, когда-нибудь напишу я. Благодарю Вас за интереснейшую беседу.

Беседу провёл А.В. Дьяков

Основные научные публикации А.Б. Островского

Книги

1. Мифология и верования нивхов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.
2. Парадигма мифологического мышления (Очерк вклада К. Леви-Строса). СПб.: Кронос, 2004 (2-е изд. – 2005).
3. Библейская метаистория. Семиотико-нумерологический анализ. СПб.: Нестор, 2004.
4. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. Альбом-каталог. СПб.: Арт-Палас, 2007.
5. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. СПб.: Нестор-История, 2009.

Статьи

1. Русская сказка «Медведь на липовой ноге»: от структурного анализа к историческим корням / Язычество восточных славян. Л., 1990.
2. Лечебно-магический комплекс с иконой Божьей матери / Этносемиотика ритуальных предметов. СПб, 1993.
3. Православные кресты: зримые черты символов // Кунсткамера. 1995. № 8–9.
4. Зрительно-числовые коды в абхидхармистской космологической модели / Введение в буддизм. СПб., 1999.
5. Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия / Материалы по этнографии. Т. 1. СПб., 2002.
6. Числовой код в мифологических текстах народов севера Тихоокеанского побережья // Этнографическое обозрение. 2003. № 2.
7. Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004.
8. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме XX в. (Поведенческие стратегии взаимодействия) // Этнографическое обозрение. 2005. № 6.
9. Девятка в традиционном менталитете народов Амура / Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М., 2008.

10. К началам человеческого интеллекта / Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008.
11. Рецепция идей Клода Леви-Строса в России / Символическая функция в пространстве культуры. Материалы международного colloquium к столетию К. Леви-Строса, 30–31 октября 2008 г., Российский этнографический музей. СПб.: Нестор-История, 2010.

Переводы

1. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994 (Тотемизм сегодня; Неприрученная мысль и проч.).
2. Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000 (Путь масок; Ревнивая горшечница; Предмет антропологии; Раса и история).